Исмаилова Г. 23.II.91

Фрагменты беседы с народным художником республики Гульфайрус ИСМАИЛОВОЙ

«Лишь две вещи,—утверждал Кант,— достойны удивленья: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас».

Правые, левые, радикалы, ретрограды... Безумное время навешивания ярлыков и столь же безумная убежденность, что навешенный ярлык определяет суть человека, явления. При этом начисто отметается то, что еще совсем недавно нами же и утверждалось почти категорично: человек — сложен, его не загнать в рамки однозначности взглядов, суждений, убеждений.

Тем более когда он — Личность. И если он не был ни в житие своем, ни в творчестве «аллилуйщиком на час», а был «блаженным» (в высшей степени счастливым от этой данности: верить, любить, творить), почему он должен теперь перевернуться с ног на голову и так смотреть и на звездное небо, под которым до сегодняшнего дня жил, и на нравственный закон внутри себя, который никогда не преступал.

Я вышла из мастерской Гульфайрус в снежный декабрь. В преддверии Нового года снег шел такой щедро-дарственный, что в его бесовском кружении путалась в голове, не выстраивалась наша беседа. «Ничего, — утешалась я, позволяя править телом и мыслями снежной круговерти, — потом соберу все в клубок и размотаю ровной ниточкой его по бумаге». Да не получилось и потом. Как ни разматывала, «рваные» нити оставались самостоятельными. Помучилась изрядно, пока не осенило: оставить их таковыми, ибо они и есть составляющая того самого клубка, что зовется судьбой.

Казахстанская правда.- Алма-Ата.-1991.-23февр.-с.6.

Верить, любить, творить

В самом начале нашей беседы Гульфайрус Мансуровна протянула мне ученическую тетрадь. «Прочтите вот это»,— раскрыла она страницу в ней.

«Вы из системы торговли!». (Видимо, эта «догадка» принадлежала соседу по номеру в гостинице в одной из многочисленных поездок Е. Сидоркина).

— Верно. Я торгую, и товар у меня исключительно дефицитный. Я продаю душу. Я—художник.

— Сколько же надо было снять в этой жизни радостей и перемолоть печалей, чтобы оставить такую запись! — произнесла я вслух.

Гульфайрус помолчала, потом:

— А мне вспомнилось сейчас кем-то верно подмеченное, что одуванчик будет непременно сдут. Но разлетятся его живые семена. И прорастут. И продавая душу, иными словами, растворяя, раздаривая ее своим творениям, художник прорастает живыми всходами в душах других, защищая от нищеты духа.

Не остывает во мне благодарность, что когда-то, в начале жизненного пути, люди допустили меня не к чаю за чистой скатертью, а к пиршеству ума: к книгам на полках, пленившим мое воображение больше, чем жажда утолить голод... А в школе на высокомерное одной из учениц: «Не хочу сидеть с этой нищенкой!» — учительница так красиво меня защитила, что теплой волной во мне по сей день: «Она тебя умнее, способнее. Извинись! После войны она тоже будет носить голубой бант...».

Отец вернулся с войны без ноги. Брат двоюродный погиб. Он мечтал стать художником. Мне достались в наследство его краски и его мечта. А голубой бант в детстве так и не пришлось носить...

Признанный мастер живописи, имевший девять детей, Абылхан Кастеев выкраивал мне из бюджета большой своей семьи посылки. Милый и добрый, он беспокоился, уговорив меня поехать учиться в божественное царство культуры, в Ленинград.

Далеко отстоящие теперь годы: художественное училище в Алма-Ате. Первые уроки живописного искусства замечательного педагога (ставлю на первое место — педагога) и художника А. Черкасского. Он был сослан в Казахстан за слетевший с неосторожных уст анекдот о Сталине.

Учеба в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Атмосфера мастерской народного художника России, академика М. Бобышева... Учил видеть прекрасный образ во всем: так рассказывал о живописи, что и лужа представлялась хрустальным озерком. А параллельно с живописью, не вскользь, поэтично: о театре, музыке...

Встреча с Евгением Сидоркиным — чудным молодым человеком, лучшим художником на курсе... Он стал на долгие годы мне другом, мужем, учителем. Он был талантлив на зависть бездарям. Можно быть ревнивым к чужому успеху, но проявлять при этом порядочность. Бездари сознательно мешали ему. Однако он творил согласно дарованному ему таланту. И сгорел, не завершив так много из начатого, задуманного, не развернув своих экспозиций в странах ближних и дальних, где был признан его талант. Однако многое и сделал в искусстве.

Разное вспоминается. Съемки фильма «Ботагоз», где я снималась в главной роли, проходили в Боровом. Сидоркин здесь рисовал — много и увлеченно. Гарцевали с ним на лошадях, гостили в аулах. Ни один простой казах не спросил: «Зачем ты вышла за русского?». Он их рисовал — простых и мудрых, дарил рисунки и приводил своим искусством и дарением в восторг. И они понимали друг друга. И принимали. Такие разные, но единые по нравственному закону внутри себя.

А недавно один довольно известный в нашем городе деятель от культуры доверительно и со злорадством высказался: «Выбрасывать будут мозги коммунистов на асфальт». Мол, время пришло... Я содрогнулась не от испуга действа, а от того, как и кем это было произнесено. И какая же, оказывается, душонка — за респектабельной внешностью...

— Что же это с нами происходит? Откуда подобное? Э. Хемингуэй в «Смерти после полудня» пишет: «Два условия требуются для того, чтобы страна увлекалась боем быков. Во-первых, быки должны быть выращены в этой стране, во-вторых, народ ее должен интересоваться смертью». А ведь мы хотим не смерти — созидания!

— Как бы ни трактовали сегодня ленинское учение, он мечтал людей освободить, возвысить, чтобы каждый мог состояться как ученый, мастер, земледелец... Чтобы мир имел и полнился образованными людьми. «Образованщина», по меткому определению писателя, — явление обратного свойства: люди, формально прошедшие курс наук, но нравственно невоспитанные, этически невозделанные, гуманистически неразвитые. Дождались своего часа, когда можно не стесняться ни куцых знаний, ни малых способностей, когда неразвитость вкусов можно объявить истинной народностью, а дурные манеры — выражением сермяжной правды... Когда экстремизм выдается за благо во спасение...

Это разрушает и общество, и нравственный закон, надлежащий быть внутри каждого. Старый учитель сказал мне: «Не дай бог, если теория не окрепнет, жестокость проникнет, а партия погибнет...».

Сегодня с каким-то, я бы сказала, упоением ниспровергается все: революция семнадцатого, 70-летний путь от нее, изуверски снимаются памятники... Больно. И хочется защитить не просто социализм как избранный нами когда-то путь. Себя на этом пути. Свое достоинство, ниспровергаемое до потемнения в глазах и рассудка. Не оттого ли мы и сейчас, в перестройку, не строим, не перестраиваем по-настоящему: разрушаем — физически и нравственно. При этом хотим ходить в королевских нарядах, жить при забитых холодильниках...

Само по себе стремление и естественное, и правомерное, и социальное. Да вот недолга: приложение сил для этого требуется. И немалых. И от каждого. Удивляемся феномену экономическому японцев. И не утруждаем себя докапыванием до сути его: откуда он и из чего? А ведь из труда до пота, от высшей самоотдачи, а потом уж — к благому самопотреблению.

— Вспоминаю, как два десятилетия назад однокурсница по Иркутскому университету китаянка Го Юфэн возвращалась с летних каникул из Китая через пару недель: есть было нечего, кончались привезенные из Союза продукты, и лишний рот в семье (даже желанного гостя) оказывался обузой. А нынче? Недавно по телевизору показывали: какое обилие на прилавках, развернутых едва ли не на каждом углу...

— Да и китайское нынешнее чудо сотворено, уверена, трудом в поте лица. Каждого на своем месте: и земледельца, и творца духовной пищи, наполняющей жизнь людей особым смыслом бытия.

У меня такое ощущение, что мы разучились (или не научились?) работать. Столько, сколько требуется для результата. Кто-то стоит у холста пять часов — ему достаточно. Мне требуется 10—12. Феномен музыканта Спивакова, знаю,— величайший труд, налагаемый на талант. Многие ли это предпочитают?

Вопрос, на мой взгляд, не риторический. Закончившему художественный вуз по двадцать бы часов в сутки рисовать, ан нет. Вирус какой-то прямо: чуть ли не сразу подавай звания, ордена, лауреатство... А в искусстве надо быть святым. От неумения что-то делать достойно — порождение зависти. Она от святости уводит к низменному. Какое вырастет на этом поколение?

А что сделали с женщиной? Больно смотреть...

— Гульфайрус Мансуровна, внешне, по самому первому «прочтению», о вас могут сказать, что вы живете в искусстве вполне благополучно: снимались в кино. У вас десятки персональных вернисажей, награды на различных кинофестивалях и смотрах оперных и балетных спектаклей, которые вы создавали как главный художник театра в течение пятнадцати лет. Много и сами посмотрели, к большому искусству приобщились: в стране и за рубежом...

— Настоящее всегда наполнено прошлым. Каким бы оно ни было, оно существует в живой гармонии с окружающим тебя миром. Художник в своем развитии ведом внутренним голосом прежде всего. Я много работаю в жанре портрета. Созданный художественный образ для меня изначально из плоти и крови, таким и остается. Как и люди — живые или ушедшие. Почти все они так или иначе причастны к моей судьбе, вошли в нее участием житейским или по линии духовного общения, были учителями или коллегами: К. Байсеитова и А. Кастеев, С. Муканов и Р. Абдуллин, И. Новикова и Людмила Ли, Анна Христова...

Как не перестают быть одушевленными для меня спектакли, их более 30, к которым сотворены мною декорации и эскизы костюмов. Они тоже часть из целой жизни: «Кыз-Жибек» и «Чио-Чио-сан», «Алпамыс» и «Севильский цирюльник», «Жумбак-кыз» и «Иоланта», «Козы-Корпеш — Баян-сулу» и «Риголетто»...

Художник вправе отстаивать свои достижения. Но и пересматривать — тоже должен. Последнее нам удается с трудом.

ОТСТУПЛЕНИЕ: «Может удивить, что у нее нет зимних пейзажей и дождливой осени. Разгадка: ее привлекают светлые стороны жизни. Она легко и свободно чувствует себя в среде явлений обычных, не преувеличивая значения дней особенных, ибо каждый день начинается для нее — просто быть, дышать, работать... Может, именно поэтому ее живопись не претерпела изменений ни в сторону бурных потоков парадности, ни сюжетной конъюнктуры и льющихся рек авангардизма. Она остается верна принципу реалистического восприятия и воспроизведения красоты мироздания, общечеловеческих ценностей».

— Вам можно позавидовать: подростком вам посчастливилось наблюдать, как снимался в Алма-Ате Эйзенштейном фильм «Иван Грозный», М. Донским—«Алитет уходит в горы». Игру Мордвинова и Целиковской, Жарова легендарного видеть «живьем», спектакли с Улановой — сказочной феей...

Осталось ли это только прекрасным сном детства или оставило более глубокий след от прикосновения к личностям в те далекие сороковые?

— Да, этих людей, цвет российской культуры, приютила тогда по-родственному Алма-Ата. А скольким из нас они помогли сотворить духовное развитие! Трудное для всех было времечко, а как чисто и возвышенно вспоминается! Подрастеряли мы многое из возвышенного. Восхищаться разучились. Смягчить надо сердца. Даже огурец вырастить — необходимо тепло...

Когда, на каком витке нашего общего жития мы разделились по нецивилизованным признакам, навесив ярлыки: армяне — дельцы, азербайджанцы — спекулянты, русские — крадут, казахи — ленивые...

Гордость за принадлежность к своей нации — это возвышает. Кичливость и чувство превосходства над другими — противоположно. «Ты кто по национальности?» — никогда не спрашивал мой учитель Абылхан Кастеев. Он любил свою нацию, но так же любил и другие. Я училась с Салаховым, приехавшим в Ленинград из Азербайджана скромным, бедным (в буквальном смысле) пареньком и ставшим большим, известным художником... Да сколько можно привести примеров, разбивающих мещанский стереотип деления людей.

На отрицательных чувствах вообще нельзя ничего строить. Только на любви. Только она способна дать подъем высочайшим человеческим эмоциям. Измельчали мы как-то.

Таланту нужно быть добрее.

Я была в Бонне, в доме, где родился Бетховен. И чувствовала: он — мой. И Эрмитаж— мой. И Пушкин. И Ромео с Джульеттой — не собственность только итальянцев... И знаю, что без Англии смогу прожить. Без Шекспира —нет. Без великого русского искусства — нет.

— Не было и не будет у нас двух жизней, чтобы в одной мы были носителями затаившегося зла, в другой — были добры и милосердны. И неужели будет всегда так, что, пока жив несомненно талантливый художник, будни непременно заслонят его действительное значение. И только после обозначится (о чем он уже не узнает) настоящее место, которое занимал он в общей судьбе культуры?

— От многого мы были насильственно отгорожены догмой. Власти, по большому счету, не интересовала отдельно взятая личность. Массовость и сиюминутный результат — вот что правило бал.

Я вот еще что хочу сказать. Мы удивляемся, что на улицах Японии стоят бутылки, которые разносчик наполняет маслом, затем хозяева забирают (в удобное для себя время), тому что таксист бежал за нами, бросив машину на перекрестке, в неположенном месте, чтобы оскорбленно вернуть чаевые, «барски» брошенные ему...

Стоит, наверное, и этому подивиться при нашей другой жизни. Но еще большее удивление должно вызывать их ежедневное созерцание рассветов и закатов, когда они ради таких минут покидают свои жилища. Тяги к прекрасному не лишены даже те, у кого жилище из... консервных банок...

Чему сегодня удивляемся и чем восхищаемся мы? Ответ унизителен по большей части. Часто ли зрим ребенка, который бы восхитился травой, росой? За редким исключением.

Благодарна учителям, которые с малого возраста заставляли думать, что платье можно еще заштопать, что казахский, русский и всякий другой ребенок — на двух ногах, при двух руках, что у них одно небо и солнце и равное право жить счастливо под ними.

— У вас сын — красавец, одаренный, наследный принц живописи. Легко ли быть матерью и учителем, когда у детей ранняя зрелость души и таланта сочетается с еще не ушедшим детством, когда есть ощущение материнского крыла?

— Каждая женщина, рожая дитя, хочет видеть его счастливым. Простая, как мир, истина. И когда мой сын спрашивает в смятении от хаоса нынешних перемен, как жить, мне тревожно. Время ниспровергателей, расцвета «образованщины» способно свести на нет, не дай бог, все твои усилия, «плоды просвещения». Надежда? На зерна, заложенные, возможно, с генами, да еще на наш с Сидоркиным пример подвижничества в искусстве.

Однажды в Париже семья французов пригласила нас, художников из Союза, к себе в гости. Семья, в которой трое детей, жила на третьем этаже респектабельного дома. А под ними («О, ужас!»—подумалось тогда мне) — соответствующее заведение. «Не боитесь?» — не удержались мы все-таки от вопроса при прощании. «Нет! — последовал спокойный ответ. — У наших детей другое воспитание». А московский художник Кирюхин еще и утешил меня: «Да не переживай ты, у нас в Союзе нет такого...».

70-е годы, и наивная вера, что и в самом деле у нас все не так...

— Больше всего, пожалуй, нам не хватает сегодня Добра. Раздражение друг против друга, озлобленность всеобщая — основа наших, даже благих, порывов. Есть, конечно, на это причины. И все же должно быть эффективное лекарство, и не в последнюю очередь, в сфере духовной?

— Лучше, чем сказал академик Д. Лихачев, думаю, не выразишь: если мы действительно хотим создать нормальное общество, если мы хотим нормального экономического, политического, научного развития, то, не откладывая на день будущий, надо сейчас, сегодня — при пустых полках магазинов, вопреки убеждению «сначала дать хлеб, а потом пищу духовную», — во что бы то ни стало принимать срочные меры по поднятию культуры.

Мысль верная и близкая мне. Только не воспринять бы ее нам как очередной призыв ко всем и... ни к кому. Будто кто-то за нас, деятелей культуры, сделает это по мановению волшебной палочки. Нет, каждый на своем месте, в силу таланта своего и гражданского самосознания. С чувством Любви и Надежды.

ОТСТУПЛЕНИЕ. О творчестве Гульфайрус Исмаиловой так много написано статей, очерков, репортажей с ее вернисажей, рецензий на спектакли с ее сотворчеством, что я оставила эту тему нетронутой в нашей беседе.

Замечу лишь, что, покидая мастерскую Гульфайрус, где вперемежку с ее полотнами на стенах работы Сидоркина, я поняла, почему считается, что «мир обрамленный — серьезнее и самостоятельнее мира на улице, в поле, во дворе... В раме — это уже Понятие, Мысль о мире».

Беседу вела Светлана ЯГМУРОВА.

Фото В. Ваколкина.